

Ночь в мертвом городе.

Было вечер и быстро темнело, когда мы вышли из Бресты, городок неподалеку от Лодзи. В автомобиле нас было четверо: мой постоянный товарищ в поездах Ф., поэт А. М. Ф., журналист С. и я. Мы были достаточно утомлены, так как двое суток почти не выходили из автомобиля, объезжая «театр военных действий». Все четверо мы одинаково мечтали о каком-нибудь приюте на ночь, где можно было бы найти костер и чай, без особой уверенности, что наши мечты исполнимы. Заглянув на первом углу правого стоящего солдата, мы обратились к нему с расспросами, есть ли в городке гостиница?

— Гостиница? — переспросил солдат, — а зачем вам гостиница? Ищите в любой дом. Если квартира открыта и никого в ней нет, так и занимайте ее. Здесь все так делается.

Конечно, «что городок, то порох», но исследовать советские солдаты мы не ужились. Наш автомобиль опять застрял на перпендикулярной мостовой в полках огня. Протяжешь ожидания, Бресты оказались довольно большими городом. Улицы были в ряд обставлены многоэтажными каменными домами. Встретились здания затейливой архитектуры; много было видны старинный, большой костель. Но ужасная безжизненность царил кругом. Магазины были глухо залеплены, и их окна закрыты щитами или забиты досками. Нигде в домах не было заметно никакого признака жизни. Невысказанная беззастенчивость говоривших, что квартира пуста. Кое-где на входных дверях висели тяжелые замки, но чувствовалось, что и другие двери, без замков, не открываются. На базарной площади, около заколоченного круглого здания рынка, как-то растерянно толпились два-три группы евреев. Над одним из них в руках старик продавал на лоток какие-то бананы. Потом, так и сажая, шли солдаты, и больше на улицах не было никого. Вправо, заставивший наши галдейский Ярославль представлял картину мертвого безлюдья, чья-то выможденная душа Бресты.

Мы обшли ряды домов и спускались в низкую долину. Часть из этих домов можно было проехать еще по стертым, едва слышимым колесам машин: «Mesure», «M. Divis», «28 Regim» и т. п. Нигде на нас не ступило не откликнулось. Становилось почти жутко: словно мы — в каком-то мертвом городе, в средневековой Флоренции, опустошенной чумой. Неужели эти сотни домов все пусты и никто не живет в них?

Наконец, мы остановились перед дверью, за которой, по всем указателям, должен был быть похититель «театр Польский». Ни у подъезда, ни на двери не было никаких вывесок. Мы опять стали стучаться, и на этот раз дверь открылась. К нам вышла милостивая девушка-полька, одетая просто, как служанка, и, выслушав нас, решительно заявила, что никакого отела здесь нет. Из ее слов вышло, что здесь — частная квартира.

— Три пана здесь живут (жандармы), — говорила она. В полночь ушли мы уже готовы были удаляться. Вдруг кто-то из нас удалился, в чей-то дом, и вернувшись, начал объяснять девушке, что мы не намерены занимать похищенный дом, что мы за комнаты заплатили, как за хорошие постояльцы. Девушка изумилась. Приказание в Бресте, в этот город, и кто-то будет платить за занятия номера деньги, как в прежние времена! Это было так необычно! Поколебавшись немного, она растворила дверь и впустила нас в «котель».

«Котель» оказался верхней провинциальной гостиницей, но все же в «котель» были и столы, и кровати, и умывальники, даже полускопанные ванны в полочниках коридорах. Только холод стоял в этих комнатах жестокий; топлены они были в последние дни, вероятно, недвоя три тому назад, и вряд ли в них было больше 5-6 градусов тепла: не только в «котель» казалась не очень холодно, чья на улице. Не было ни свеч, ни воды. После наших долгих настояний девушка согласилась достать нам три свечи, до 20 коп. за штуку, и налить воды в умывальники. Завтрак выдался, что еще мы можем получить кашку в чайник, и ничего больше.

Но больше ничего нам и не оставалось желать! У нас была с собою кое-какая провизия, шоколад, яблоки. В чайник мы заварив чай, который подавала нам та же милостивая служанка, которая отсутствием выдалась (она была в Варшаву),

была и молнией хозяйкой в «котель». В перспектив были и наст хотя и холодная, но все же «настойка» по столу, с подушкой, простыней, одеялом. Не всегда любознательные наблюдатели, забывающие «театр военных действий», получают все это на ночь, и мы чувствовали себя хорошо и весело. Ф. занялся рассматриванием карт, выдала нам дальний путь. С. записывал на блок-ноты вычисления минувшего дня, а мы с А. М. Ф., вспоминая дни юности, обменивались шутливыми советами-экспромтами.

Но, как-то забыв, чтобы напомнить нам, где мы, на окнами все промаки и восторженно стали рассматривать в глухие и мрные туманы оружейной палаты. Та же самая, словно отдаленный грохот, потрясала воздух. Было ясно, что где-то по близости от города завязывалась артиллерийская бой. Мы выбежали на улицу. Над крышами домов так же жарко небо озарилось розоватыми вспышками, словно отдаленных молний. Приселки зарина, потом проглотить рыдать в слезы; минуту — все тихо, и опять то же самое... Это наши батареи обстреливали пленные, шедших в ночную атаку на наши позиции. Нам везло: представлялись мыры и грязные окопы, где теперь солдаты, неразрывались по дв. по три недели, но мечтавшие «освободить» нас, завернувшись в шинель, на токой земля, должны одобрительно все ночь, отстреливаясь, отбивать, может быть, штыками и танками упрямого врага. Нам представлялись те группы мертвых тел, которые столько раз приходилось нам видеть на крыльях окопов; раненые, позажив в перевозочному пункту; врачи, охватывающие от непосильной работы... И, когда мы вернулись в свои комнаты, на которых только-что так радовались, у нас уже пропала охота шутить и общиваться с евреями; нам почти стыдно было приговаривать для нас постелей, с бальзамом санитарной свистки...

Вскорь мы могли наглядно убедиться и на других примерах, что Бресты — далеко не место веселья. Мелк понадобилось немного югу. Литеры в город были закрыты, так как пленные «реквизировали» в них все медикаменты, но наша бойкая горничная-качалка, знавшая Бресты «свои» пять пальцев, посоветовала нам обратиться в соседнюю квартиру, занятую г. К., канцеляристом и исполнителем оркестра. Г-ж К. оставалась в своем доме, сама бывавшая в Варшаву,

и только у нее во всем городке можно получить извещения (всегда сказать, тогда торговал в частых дворах — характерное явление в опустошенных городах; в Бресте мы приобрели потом книжку новостных заметок также в частной квартире, где сохранился остаток товара от разграбленного пивными мануфактурного магазина). Я последовал разумному совету и постучался у дверей К. Так состоялось наше знакомство с ней, и оно позволило нам заглянуть в интимную жизнь обывателей города, воочию представить себе, что они переживали за три страшных месяца.

Обстановка в квартире К. оказалась, что здесь живут люди интеллигентные. На стенах висели хорошие гравюры и литографии. На этажерке и на столах было расставлено много книг; среди них и захватил сочинения любимых авторов: Ромэ де-Турмона, Пьера Луджа, Валериана, Водовица и др. Меня К. встретила не столько как гостя, сколько как желанного гостя, усадил нас за стол, пригласил чаю... В течение многих недель они не видели никого, кроме замученных и загнанных обывателей своего города да офицеров «действующей армии», столь же отравленных от остального мира, как они сами. Видя человека, приехавшего прямо из Варшавы, привезшего с собой «новое» (вышедшее пять дней тому назад) в номере столичных газет, казался К. столь же необычным, как служанка нашего отела — гость, готовый заплатить за квартиру комнату! И, конечно, К. трудно было преодолеть желание со таким человеком поговорить, распространить его, что делается «на свете», а, главное, высказать ему, что он здесь выстрелил. Через несколько минут мы уже беседовали, как давние знакомые, и г-жа К., буквально со слезами, держа руки, спрашивала меня:

— Боже мой! Когда же это все кончится? Надо представить себе ту жуткую обособленность, в какой оказываются города, как Бресты, безразлично насколько они в сфера военных действий и переходящие из рук в руки (Бресты были заняты немцами десятилетиями). Всякая связь с большими центрами обрывается; газет жителя не видать по пальцам ногтей и о том, что происходит в действительности, не имеют никакого понятия; зато возникает и циркулирует неслыханная слухи, опять безразлично друг от друга. То под городом, то в самом городке постоянно идут бой; сараи

перелетают через дома, приносят лопатки над крышами, пули свистят на улицах; надо прятаться в погребах и там «отсиживать» по клочкам суткам, в темноте, и хоть бы что-нибудь удобства культурной жизни отсутствуют; недостаёт хлеба, нечем обивать дома и отапливать их; папирсы или яблоки становятся предметом роскоши. А в дни, когда города бьются в руках неприятеля, приходится еще понести сознание своей полной беспомощности перед наглым врагом, без протеста смотреть на совершаемые им преступления (много их было совершено немцами в Бресте!), терпеть унижения, отдавать свои вещи первому встречному офицеру, который их требует под видом реквизиции или добровольного подарка! Что же ужаснейшего, что человеческие нервы не выдержали такого напряжения, дивилась ищущая, и что г-жа К. плакала предо мной, совершенно ей историчности человека!

— Мне иногда кажется, — говорила мне она, — что прежней, обычной жизни не осталось нигде больше, так я от нее отыгнала. Неужели, в самом деле, есть города, где люди не делают ежедневно за свое существование, не делают дни и ночи провалять в постелях, могут не ожидать каждую минуту, что вот — войдет немец и заберет из ваших столов и комодов все, что ему понравится! Неужели все еще есть несчастные, которые каждый день получают газету, видят мяки хлеба и свеч, не слышат 24 часа в сутках пальбы, от которой глухошь, и могут когда угодно уехать из города! Мне теперь это все кажется сказкой!

Да, надо помнить то, что испытала жителя Бресты, чтобы понять, как можно образоваться «свёжому» человеку!

Когда и посприятелье к товарищам, со мной вместе пришел и г. К., который не мог преодолеть желания — поговорить со всеми, приехавшими «свёжому» миру жителям. Одновременно пришел к нам в стель и известный фотограф, г. Р., так как мы обмолвились (в разговоре со служанкой), что желаем видеть фотографии, снятые с немецких солдат. Потом пришло, под какими-то предлогами еще несколько человек, так что наши истощенные комнаты обратились как бы в маленький клуб. Каждому хотелось познакомиться, спросить, что мы делаем нового, и самому рассказать о пережитом. Все шло своим чередом, но в одиночестве; всем казалось, что, перейдя новому, чужому человеку свое скорбное повествование, и

как бы обронить с себя половину гнетущей души тяготы...

Рассказы сбились в рассказы. Вся история Бресты за три месяца произошла перед нами, почти день за днем. Фотографы повествовали обстоятельно, указывая точные даты, называя имена, приводя названия полков. Г. К. сумрачно и отрывисто передавал отрывочные эпизоды. Бойки и расстрелы описывал (по-польски); некоторые события назвал служанка, вторая, на правах полу-хозяйки отдал, вертелась тут же. Другой поправил говоривших, дополнял их рассказы, приводил новые факты, в параллель к сообщенным... И все, что нам рассказывали, было одним ужас, сплошной кошмар, но кошмар, что называется современной войной.

В присутствии стольких свидетелей очевидцев, говоривших с дрожью в голосе, с порывами негодования, могли мы не поверить тому, чему все еще не хочется поверить окончательно, что немцы — варвары, что есть такой жестокий и такой гнусности, которую нельзя было бы ожидать от них! Нам рассказывали, как немцы выбрасывали русских раненых из лазаретов, добивали пленных казаков, оскорбляли сестер милосердия, называли их проходимцами по улицам жандармы, грабили магазины, воровали частное имущество... Только два-три факта, говоривших о неподдельном мужестве пленных, об их готовности умереть ради торжества своего дела, оскорбляли сестер милосердия, называли их проходимцами по улицам жандармы, грабили магазины, воровали частное имущество... Только два-три факта, говоривших о неподдельном мужестве пленных, об их готовности умереть ради торжества своего дела, оскорбляли сестер милосердия, называли их проходимцами по улицам жандармы, грабили магазины, воровали частное имущество...

Наша беседа затянулась долго, и, уставшая, мы остались под тягостным впечатлением слышанного. Теперь нам стало понятно, почему так пустыни Бресты, почему магазины брошены в дым, а дома — обывателями, почему так уныло растеряны немногие оставшиеся в городке жители. Три месяца «эпифора» военных действий, — это обратило Бресты в мертвый город, заставляло всечь, у кого была хоть малейшая возможность, бежать из этого полого круга Даштова ада, — бежать все равно куда, в Варшаву, в Минск или даже без определенного плана, без приюта вперед, только бы прочь отсюда! Можно быть храбрым в бой, можно безразлично встретить смерть, можно с достоинством стерпеть оскорбление, но имея возможности на него ответить; но ни у кого не достает сил и желания и желаниями

жить под угрозой смерти и под угрозой постоянной всеоблагодетельности унижений; а именно это и было участью жителей Бресты.

Ванюша не смогла, когда мы дожились спать. Завернувшись в шубы, мы постарались заснуть в надутой студеных постелях. Усталость, наконец, преодолела холод и заставила нас на время позабыть и палубу под городом, и жестокие повести брестяне.

Утро следующего дня было ясное, светлое. Небо сияло, как в дарах. Пушки стихли. Одну минуту хотелось думать, что вчерашние впечатления — лишь дурной сон. Но они все же живо воскресли перед нами потому, что наши новые знакомые, с раннего часа уже стали стучаться в наши двери. Все напором предлагали нам различные услуги. Принять фотограф с заинтересованным нас взглядом. Кто-то принес нам, как дар, вежливый прощальный поцелуй, которую увидели разбросанным с армией, и номер агитационной газеты «Виса», издаваемой краковскими «стрелками», которую тоже раздавали жители Бресты. Г-жа К. пригласила нас к себе завтракать. Ее муж предлагал нам разные варианты в пути: вещи, бензин для автомобиля, сифон содовой воды, яблоки...

Мы торопились, и у нас не было времени для новых бесед. Наскоро позавтракав у К., мы поспешно взяли свои вещи в моторы. Наши знакомые стояли на тротуаре, провожая нас. Должно быть, нам казалось, что с нашим отъездом опять обрывается их связь с остальным миром, мертвый город опять замыкается вокруг них.

— Не забывайте нас! — кричала г-жа К. Шоффер засмеялся; автомобиль трепетал, замелькали заколоченные лавки и странно-пустыня окна домов, похолодя на остекленные глаза мертвеца. На углу, у похитителя, валяющегося, повстречались нам группа солдат. Больше на всех улицах нигде не было никого. Прощай, мертвый город!

В предвечье мы встретили знакомого офицера. Он сообщил нам, что немцы в эту ночь упрямо наступали на наши позиции, во время нападений на наши позиции, во время нападений на наши позиции, во время нападений на наши позиции. На этот раз по крайней мере, гроза полого вражеского наступления миновала Бресты!

Валерий Брюсов.

30-го ноября, Варшава.